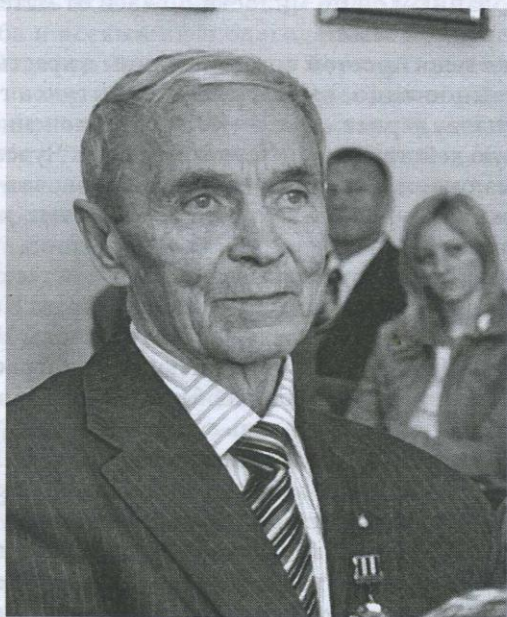

ПЕСЕННАЯ ДУША РОССИИ

заметки кинорежиссера Николая Ряполова, автора фильма о Надежде Плевицкой «Мой родной жаворонок»

Николай Ряполов

Господь указал Надежде Плевицкой тот благословенный путь, который не был так щедро указан до нее ни одной русской душе. На заре ушедшего века она, простая крестьянка, «принесла из русской глубинки в столицу и впервые подняла на величайшую высоту — душу России — народную песню» (И.Ракша).

Ее репертуар состоял в основном из курских напевов с замечательными стихотворными текстами. Это о них — о курско-белгородских песнях, высоко отозвался в годы расцвета своих творческих сил выдающийся русский композитор, земляк певицы Георгий Васильевич Свиридов: «В моей кантате «Курские песни» — аранжировка семи старинных народных песен, записанных от певцов нынешней Курской и Белгородской областей. Я думаю, им по 400-500 лет! Это изумительные алмазы народного творчества, свидетельство высокой музыкальной культуры наших предков...» Эти слова Георгия Васильевича я записал на магнитофонную ленту 14 января 1986 года в его московской квартире. Тогда я не мог расспросить композитора о его выдающейся землячке, я мало что знал о Плевицкой, ее имя было вычеркнуто из всех музыкальных изданий еще в 20-х годах прошлого века, когда певица эмигрировала на Запад вместе в остатками белой армии после ее разгрома в Крыму.

Такого крупнейшего композитора и музыканта, глубокого знатока истории и культуры России, каким являлся Георгий Васильевич, не могли не волновать судьба и талант Надежды Плевицкой, ставшей феноменальным

явлением в русском народном музыкальном творчестве. И вот, после смерти композитора, в его многочисленных тетрадях с записями разных лет обнаружилось скупое сточки: «Моя землячка Надежда Плевицкая... она хорошо знала курские песни и пела их здорово!» Надеемся, что исследователям творческого наследия Свиридова удастся обнаружить более подробные высказывания мастера о Надежде Васильевне.

Чудом сохранился рисунок крестьянской избы, в которой родилась Надежда — 12-ый ребенок в семье Акулины и Василия Винниковых. Дежкой прозвала ее мать. Звучит озорно, загадочно, не по-деревенски. А изба как изба тысяч и тысяч крестьян того времени. Как-то печально глядеть на нее:

«Жили мы дружно, и слово родителей для нас было закон. За стол, не помывши руки и Богу не помолясь, не садилась», — напишет потом о своем детстве и родительском доме, будучи уже в Париже, Надежда Васильевна. Это здесь родила Россия великую певицу от своего горя и себе в утешение; это здесь сердце ее с детства внимало чистым звукам народных песен; это здесь душа ее умудрялась крестьянской жизнью и опытом.

Вся поющая Россия вышла из подобных крестьянских изб. Наши русские песни — избяные песни. У меня есть маленький фильм, он так и называется — «Избяные песни». Вросшая в землю по окошко русская крестьянская изба, по выражению Михаила Пришвина «испокон веков вращивала в своей колыбели даровитых сынов и дочерей, неиссякаемо пополняла чистыми ручейками широкий поток отечественной культуры...» И этот короткометражный фильм, снятый в селах белгородской области, стал первым толчком к поиску темы и героя

для большой работы о русской песне и песенниках. Шло время, а я все сидел на короткометражках: «Тимоня», «Вот вспыхнуло утро» (Курская тематика). Теперь я понимаю: это удача, что я прошел школу освоения «песенного киножанра» на коротких киноновеллах. Без опыта подобного мои дерзновения на «полновесное полотно» оказались бы заурадными попытками самовыразиться. Не более того.

Тема и героиня полнометражного фильма «Мой родной жаворонок» выплыли неожиданно. В те годы я часто выезжал в Курский край вместе с дорогим моим другом Вячеславом Михайловичем Клыковым — выдающимся скульптором, человеком, глубоко любившим свой край, человеком редкой целеустремленности в творчестве и поступках. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что его нет среди нас. Мы считали себя земляками, я ведь родился в соседней Белгородской области, входившей в состав Курских земель до 1954 года. Благодаря многолетней дружбе со Славой я больше узнал о Курском крае, обрел много друзей, и мне всегда было радостно оказаться здесь, ибо эта земля «питала» меня своей выдающейся историей, культурой и общением с замечательными курянами.

В каких бы уголках широких курских просторов мы ни находились, всегда стремились скорее оказаться в с. Мармыжи — на родине Клыкова, в его родительском доме; знали, что ждет-не дождется на побывку сыночка Лидия Тимофеевна. Слава, как коренной выходец из этих мест, всегда выбирал маршрут поездки до своего села по кратчайшим проселочным путям.

Так однажды (это было в августе 1997г.) мы оказались у околицы села Винниково. Слава неожиданно повелел шоферу остановить машину и сказал, обращаясь ко мне: «Коля, давай заедем! Это — родина Плевицкой!» Я ответил: «Заедем!»

И вот мы в школьном музее (школа построена на фундаменте усадьбы Плевицкой, которую она обрела, став знаменитой и богатой). Это был, вернее сказать, не музей,

а мемориальный уголок в учебном классе. Все стенды, посвященные Надежде Васильевне Плевицкой, состояли из некачественно выполненных ксерокопий. Школа не имела средств для более приличного оформления класса-музея, однако материал о жизни и творчестве знаменитой землячки подобран был интересно и подробно.

Мы со Славой не могли оторваться от стендов, читая, перечитывая выдержки из газет, журналов того времени, вглядываясь в фотографии разных лет певицы и ее великого окружения. Какое окружение! Шаляпин, Копленков, Рахманинов, Станиславский, Собинов, Куприн, ... Крестьянка из российской глубинки с двумя классами образования очаровала Россию, покорила Европу, поразила Америку своим пением, природным умом, женским обаянием, пением глубинных русских народных песен, голосом, данным ей по милости Божьей от матери-природы, от родной земли...

Поразил меня простой портрет певицы в крестьянском платке: умное лицо, выражающее скрытую в глубине души печаль, вернее сердечную сосредоточенность на тревожную действительность того времени. Чувствовала, понимала она: надвигалась на Россию роковая судьба, безудержный бурелом, который всё замутит, исковеркает, изломает.

Мы вышли во двор школы, осмотрели остатки липовой и сосновой аллеи, посаженных при жизни Надежды Васильевны. Нас сопровождал директор школы Николай Федорович Дерюгин, хорошо знающий биографию певицы. Он говорил и говорил любопытные подробности, старался для нас, а слушалось с трудом: чувствую — до боли в груди сжимается сердце у моего друга, он молчит и курит, отстраненно думает о чем-то. Наверное о страшных последних годах жизни своей землячки.

...В 1937 году Плевицкая была арестована французскими властями в связи с таинственным похищением руководителя Российского Общественного Союза генерала Миллера. Одновременно исчезает и генерал Скоблин — муж певицы, который считается одним из участников похищения Миллера. Несмотря на отсутствие прямых улик, суд признает Плевицкую причастной к этому делу, приговаривает ее к каторжной тюрьме. «Господь Бог — мой свидетель. Я не виновна», — были ее последние слова на суде.

В 1940 году Париж был сдан немцам без сопротивления. Дело русской певицы, подготовленное к судебному пересмотру, осталось невостребованным. Родина не откликнулась. В 1940 году Плевицкая тихо и кротко скончалась в тюрьме, могила ее затерялась.

Еще древний философ отметил: «В период крупных исторических событий судьба склонна облекать в трагические формы именно жизнь крупных личностей...» Плевицкая была крупной личностью, олицетворявшей русское содержание в творчестве, песенную душу России.

...Во дворе школы белел свежим срезом пень сосны. Мы со Славой начали считать годовые кольца на нем. Считали и сбивались, и Николай Федорович остановил нас, сказав: «Это дерево росло с 1909 года, ствол был поражен молнией, а буря доломала. Вчера спилили».

Клыков попросил шофера принести из машины водку, закуску и рюмочки.

Все разложили на пне. Клыков прочитал поминальную молитву, испросив у Господа Бога его милости ниспослать Божьей рабе Надежде благостное утешение неба и всевышнюю благодать. И сказал еще Клыков: «Надежда Васильевна — жертва палачей России. Но мы знаем, что жертвы сильнее своих палачей. Да, могила ее неизвестна, но неизвестны также нам могилы многих тысяч и тысяч великих святых, апостолов и мучеников. Земля, где ее могила, Божья земля. Для Бога мертвых нет...»

Слава попросил меня завершить словом эту своеобразную, возникшую неожиданно, но очень значимую для всех, кто здесь присутствовал, поминальную трапезу.

Я хорошо помню, что сказал. «Дорогой Вячеслав Михайлович! Уважаемый Николай Федорович! Дорогой Жан! (Жан Досполов — помощник и водитель Клыкова) Я благодарю Господа Бога и вас за сегодняшнюю встречу. Я взволнован, я потрясен от всего, что узнал в Винникове. Кого я теперь знаю с этого часа? Великую личность!»

Дорогой Слава, созрело предложение: ты создашь памятник Плевицкой, и он должен быть установлен здесь, на родине Надежды Васильевны, а я сниму фильм...»

«Так и будет», — сказал Вячеслав Михайлович, обнимая крепко-крепко...

Слово мы сдержали.

13 июня 1998 года в селе Винникове состоялось освящение и торжественное открытие памятника Надежде Васильевне Плевицкой. А я... я закончил фильм в январе 2000 года. Большая часть этого времени ушла не на творческие проблемы, а на финансовые. Я тогда, на трапезе в школьном дворе, не предполагал, как будет трудно продвигать тему к кинопроизводству.

Слава Богу, состоялось все, что мы задумали. На Международном кинофестивале «Золотой Витязь» в 2001 году фильм «Мой родной жаворонок» удостоился одного из высших призов жюри и приза имени Сергея Рахманинова от общественности г. Тамбова.

Известный писатель-публицист Валентин Курбатов отозвался о картине небольшой, но очень важной для меня статьей:

«...И это чувство света, преображения и тайной надежды, что так будет всегда, не оставляет тебя после просмотра фильма Николая Ряполова. С первого кадра, когда до края небес тяжелым золотом легла рожь и зазвенел над нею невидимый, навсегда забытый, изгнанный злой историей, но, оказывается, сразу узнаваемый сердцем, словно сбереженный памятью крови голос Надежды Плевицкой, и до кадра последнего, в котором паслись на лугу кони и русская девочка-душа смотрела в зал светло и прямо, чтобы ты помнил этот взгляд и уже не терял себя на нечистых путях мира...»

Работа над фильмом была для меня временем смятения, терпения и радости. Не могу не привести в этих скромных заметках о нашей великой землячке и о фильме случай, какой редко бывает на съемках документальной картины.

Уезжали после окончания съемок из села Винниково и вдруг, перед посадкой в автобус одна женщина спросила: «Все сняли, ребята? А деда Филиппа сняли?»

«Какого деда?»

«Так он же помнит Плевицкую!»

«Как помнит, она жила здесь когда? 80 лет назад!»

«Так деду 103 года. И ум ясный...»

Перенесли отъезд, добрались до избы Филиппа Васильевича Шеставина. Да, правда, ему шел 104-ый год, и хорошо помнит певицу. А кинооператор Виктор Маев говорит: «У нас, Николай, всего-то 30 метров пленки...»

30 метров — минута экранного времени. «Не мало», — отвечаю. И вот — съемка. И старик, на нашу радость, вспоминает самое самое главное:

— Когда приезжала в село Надежда Васильевна, поднимали флаг в ее честь над Управой. Утром бабы выходят доить коров и видят флаг! «Ох, ох, ох! Надежда приехала!» И идут потом к ней, кто в подоле яйца несет, кто курочку, кто сало... Не бесплатно, за деньги. Она была не жадная, скупала у всех все, а у нее все сусеки были харчами забыты. Скупала, чтобы деревенских выручить...

Пленка кончилась, а старик все свое из души выплескивал и выплескивал. И вдруг запел «Златые горы». Пел и плакал. А мы молчали и слушали. Камера давно не работала, и мы сидели, не шелохнувшись, боялись отпугнуть нечаянную весть почти вековой давности.

Должно быть, он уже умер, Филипп Васильевич, светлая душа. Никогда не забуду его лицо, глаза и тихий грудной голос.